

АЛИНА ТАЛЫБОВА

Стансы XXI века

Хочешь – стой прямо,
хочешь – лежи криво.
Хочешь – отстаивай правду,
хочешь – копи гривны
(шекели, тугрики, евро...)
Спасай Европу от лепры,
Азию – от цунами,
сворачивай в оригами
кашне, облака, салфетки,
жури отвязных нимфеток...
Проявляй человечность –
будь вежлив с маньяком встречаемым,
в труху разнося при этом
этносы и континенты
(холст «Толерантность в разрезе»,
автор – не Веронезе
и пишет не маслом – кровью,
но с выдумкой и любовью...)

Слушайся шефов и брендов,
не лезь в анализ контентный,
бери лежаки на пляже,
чти праздничные распродажи,
чисти зубы потщательней –
и будет всем вам по счастью...

Бреди своим мегаполисом
(смог прилагается бонусный)
верблюжьим шагом натруженным,
горбы набивай потуже
асанами, ведами, снами,
прикапливай высшего знания,
сбивай авиценнам цены –
суши галлюциногены
для ядерных зим грядущих.
А стансы пусть пишет Пушкин
и дочери нефтемагнатов,
коими так богато
искусство нового века...

Не поднимайте мне веки!..
Не засоряйте чакры,

не словоблудьте в чатах –
будьте – на пару с Богом –
горды и одиноки,
сердце пряча, как грыжу...
Чадит луна над Парижем
(или Ханты-Мансийском).
Крылья откнопив сизые,
ангелы – честь по чести –
пьют за победу «Челси»
и смотрят украдкой порно,
радуясь, что бесполы...

Ветер гудит рассветный
в пустых городах планеты,
что плавно уходят в землю,
мольбам бездомных не внемля.
А где-то трескают суши,
делят моря и суши,
кто-то кружит во фраке,
а кто-то влезает в хаки
и вышивает знамя:
«Ленин (Бен Ладен) с нами!..»

В газетах:

*«Сдамся на органы.
Качественно и недорого».*
Без будущего и без прошлого –
поколение ГМО-шное...
Ну, здравствуй, моя химера:
Ассоль, подросшая в стерву
в следах пластических латок –
тебе ведь тоже несладко
Греев тягать в постели...
Бубнит под окном отельным
рэппер, беременный Моцартом...
Душа, как «жигуль» покоцанный,
жжет последние шины.
Мир этот, впавший в шизу
жлобства и живодерства,
выбросить, где придется
на трассе – в окошко, фантиком
(билборд:

«Не сори в Галактике!»)

Ладно, сорить не будем.
«Гринпис» предъявляет на блюде
Арктики тающий студень
(У динозавров ступор).
Крипто рулит и мутит,
Рифмами сыт не будешь –

Рванем в уикенд к Иуде?..
Он выставляет манну...
Ломай переборки классовые –
неси чипизацию в массы...
А все-таки –
 чую фибрами –
всегда есть свобода выбора...

Хочешь – пиши гимны,
хочешь – иди в схиму,
хочешь – лепи манты,
хочешь – бубни мантры,
хочешь – копай глубоко,
хочешь – сиди высоко,
дыша предстоящему в копчик...
А хочешь –
 будь просто Кóрчаком,
водящим детей по раю...
Мне кажется, мы заигрались
в лего причин и следствий.
Сердце – дельфин, растерзанный
в «цивилизованной» Дании...
Vitae, Amour –
 до свидания...

Из осени – с любовью

Осень – то ли года,
 то ли жизни...
Мир летит по замкнутому кругу.
Запоет свирель, залают лисы
В травах у подножья виадука.

Призрачную, грозную армадой
Двинут облака
 к преддверьям рая.
Засквозят тавриды и пенаты,
Внутреннюю сущность обнажая.

Весь в пыльце винтажной позолоты,
Хрупок мир,
 как крылышко стрекозье.
Из ладоней пастухов бесплотных
Пьют воспоминания, как козы.

В комнате твоей, пустой и белой,
Моросит октябрь
 в дверную прорезь.

Птица

В.Н.

**Бойкая, носатая,
Скачет между строк:
Перышки измятые,
Севший голосок.**

**Из гнезда панельного
Выпорхнувши в мир,
Крыльями несмелыми
Пробует эфир.**

**Снова время ушлое
Ставит шах и мат.
Папочка разбухшая
Ворохом бумаг.**

**О семействе ратуя,
Крутится весь день.
Челка седоватая,
Кепи набекрень.**

**Брошка, пара клипсиков
С тусклой бирюзой...
Мир твердит о кризисе,
Шеф угрюм и зол.**

**Всюду клювы хищные.
Лезвия когтей...
А она под крышею,
В комнатке своей**

**Правит чьи-то опусы,
Не передохнув...
Побежит к автобусу,
Хвостиком махнув**

**С пестрою отметиной,
Скоком по земле...
Сквозь двадцатилетие
Я смотрю ей вслед.**

**Сыплю крошки хлебные
В прорези стекла...
Милая, нелепая,
Птица – умерла.**

Монолог

вынужденной переселенки на Марс

...И мнилось – миллионы лет
Мы мчались в этой гулкой мгле.
Корабль старенький трясло,
И штурман наш ронял весло.
Кометы встречной ятаган
Грозил погибелью всем нам.
О, этот рейс в один конец!..
Я помню смутно, как во сне,
Моих попутчиков черты –
Тех, имена не помню чьи...

Но мы свершили этот круг,
Ступивши робко
 в красный грунт
И разбредаясь, кто куда...
И время смыло, как вода,
Виденье горсточки землян
И ржавый остов корабля.

И адаптация прошла
Весьма успешно, и дела
Пошли на лад –
 привитый штамм
Нас защитил, оттиснут штамп
В бумагах, выучен язык,
И местный этнос к нам привык.
Отстроен дом, взлелеян сад,
И муж мой водит поезда
На линии «Луна-Сатурн».
Меж двух облупленных скульптур
Наш пес задремлет в гамаке
В весенней неге и тоске.
Он виртуальный –

 ну так что ж,
Зато послушен и похож
На псину сразу столькох детств...
Никчемнейшее из наследств,
Ты – память сердца, гул веков,
Стон эха в сводах черепов,
Фантомный ген, игла в кровí...

Мы розы пестуем свои,
Их укрывая через день
От астероидных дождей.
И подрастает сын у нас –

Смугл, шестопал, золотоглаз,
Улыбчив, дружелюбен, чужд.
Ловец серебряных пичуг,
Фанат команды Черных дыр
И туров в параллельный мир
(Мы не решаемся спросить,
Что наблюдал он по пути...)

Когда мы обретем покой,
Смешавшись с красною землей,
Он станет славно жить без нас,
Обхаживая свой канал,
И сад, и шаровидный дом,
Припоминая нас с трудом
По картотеке голограмм,
Не суетясь, не зная драм...

На нем, увы, прервется род –
Ему неведом тайный код,
И зов, и гон, что нас, землян,
Бросает в марево полян
Или в объятия мансард,
Что вместе –

Март, и рай, и ад,
Что описал суровый Дант
В хитовом фэнтези своем,
Когда с возлюбленной вдвоем
Брёл наугад меж солнц и недр,
Чему вовек названья нет...

Я прерываюсь на дела.
Пустая комната светла,
Шуршат страницы в дневнике
На межпланетном сквозняке...

...А где-то там,
на краешке Земли,
Иудины деревья расцвели...

Гость

(Драма в одном стихотворении)

Где-то в наших временах –
так бывает –
женщина живет одна,
проживает

Предназначенный ей срок.
Вечер – близко.

Одиночество, как смог,
в доме виснет.

И тоска пылит с утра,
словно рухлядь,
Подтекает, словно кран
в белой кухне.

Вот уже который год
Командором
к ней приходит тот же гость
в свитре черном.

Или сером – но не суть...
В двери входит,
держит тортик на весу,
на отлете.

Он журчит о том, о сем
в ровном темпе.
Город реет за окном,
словно Бэтмен.

Этот гость ей – словно кость
в белом горле.
Обрезает стебли роз,
спину горбит.

Улыбается ему –
губы сводит.
Телевизорная муть
хороводит.

У певицы бровь черна,
плоть атласна...
Не, не выйдет ни черта,
все напрасно.

Выдыхается бокал,
сохнет шпротка.
Нагуляв себе бока,
дрыхнет котка.

Снится котке кот Жоффрий –
черный, с плешью...
Город тает, словно фейк,
в нóчи снежной.

Стынет время на нуле,
бьют куранты.

Расплываются во мгле
фигуранты.

И к стеклу припавши лбом,
подвывает
их безлюбая любовь...
Так – бывает.

Ненастная ночь

Когда сдувает с неба птиц
И, как деревья, клонит ниц
Прохожих, что бредут во мрак;
И ночь похожа на овраг
С тоской, струящейся на дне, –
Тогда, топя луну в вине,
Я вспоминаю, милый друг,
Объятий наших тесный круг,
И весь тот чад, и яд, и Рим,
К которым так непримирим
Людской суровый трибунал...

Да будет ночь твоя нежна
И там, за гранью бытия.
А я – ну что тут скажешь?.. Я,
Давно и всё тебе простив
И телом, словно дом, остыв,
Сердечной памятью жива:
Нижу ненужные слова,
Чтоб тут же встречным их раздать.
Я провожаю поезда,
Воображая: ты – в одном
Из них...

Горчит мое вино,
Настоянное на луне.
Ты возвращаешься. Во сне.
И я целую голос твой...
Но глух и нем рассветный двор,
И окна смежены во мгле,
Как веки мертвых королей.

...Всё врут стихи, мороча нас:
Не серо-, а зеленоглаз,
И не король, и не герой,
И нету дочери со мной,
Чтоб разбудить и поглядеть...
И до тебя –

лететь, лететь...

Я стучу о столик кроной,
Шарф, как рифму, тебе.
Прага вьюжною воронкой
Втягивает нас в себя.

Из тумана звякнет рында,
Созывая водяных...
Ведьма рыжая в цилиндре
Правит парой вороных,

Преуспев в мужской науке...
И – забавный персонаж –
Дышит в зябнущие руки
Соотечественник наш,

Что торгует змрзлиной¹
В ледяной декабрьский день.
Прага снова месит глину
Для невиданных затей.

То изобразит факира,
То тоскующего пса...
Ночь сгущается сапфиром,
Словно шесть веков назад,

В перстне злого епископа
Над застывшею толпой.
Ах, славянская Европа –
Бог с тобою и со мной!..

Вот тебе от сердца ключик –
Медный, стертый, золотой.
Пражский вечер.
Ветр колючий
Рвет на атомы пальто.

Теребит соборов гроздь,
Чтоб однажды в главный день
Мне вступить легко и просто
В хоровод твоих теней.

¹ Мороженое (чешск.)